

НОВЫЕ ПЕРЕВОДНЫЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

(С. А. ДАНГЕ, *Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя*. Перевод с английского А. М. Осипова. Предисловие А. М. Дьякова и А. М. Осипова, М., 1950, 206 стр.

Э. МАККЕЙ, *Древнейшая культура долины Инда*. Перевод с английского М. Б. Граковой-Свиридовой. Под редакцией и с предисловием акад. В. В. Струве, М., 1951, 142 стр.).

Следует всячески приветствовать почти одновременное издание русских переводов двух современных работ зарубежных исследователей, посвященных истории древней Индии. Выбор именно этих работ для перевода и издания, несомненно, удачен как ввиду их высокого научного уровня, так и вследствие особого интереса и важности освещаемых в них вопросов.

Первая из этих работ была издана на английском языке в Индии в 1949 г. Автор ее — С. А. Данге — один из виднейших руководителей компартии Индии. Тот факт, что в период роста национально-освободительного движения и ожесточенных классовых боев в своей родной стране С. А. Данге нашел не только возможным, но и необходимым написать научную работу, посвященную периоду истории Индии, отделенному от нашего времени несколькими тысячелетиями, является еще одним важным свидетельством несостоятельности проявляющейся иногда тенденции судить о политической и научной злободневности той или иной исторической темы только в зависимости от ее хронологической близости к нашему времени.

Во «Введении» автор дает обоснование выбора темы. В общем обзоре индийской буржуазной исторической литературы XIX и начала XX в. он отмечает, что интерес индийских историков к древности и средневековью не случаен; этот интерес объясняется стремлением опровергнуть основное положение английских ученых лакеев империализма, будто индийский народ не принимал участия в мировой истории, будто всем, что у него было и есть, он обязан только иноземным завоевателям, вторгавшимся временами в Индию. Из этого тезиса апологеты империализма делают вывод, что predetermined судьба индийского народа и впредь быть всегда под властью чужеземных захватчиков. Изучая великое прошлое индийского народа, индийские буржуазные ученые того времени способствовали развенчанию теории о неизбежности и predeterminedности постоянного господства английских империалистов в Индии, способствовали росту национального самосознания в стране и этим содействовали развитию борьбы против английского колониального гнета.

В последующее время, в период общего кризиса капитализма, когда на арену национально-освободительного движения в Индии стали выходить в качестве самостоятельной политической силы эксплуатируемые классы и, прежде всего, рабочий класс, когда борьба за национальное освобождение стала все теснее переплетаться с борьбой за решительные демократические преобразования, индийская буржуазная историография сделала своей главной задачей борьбу против неуклонно распространяющейся в Индии марксистско-ленинской теории — исторического материализма. Изучение индийских древностей в индийской буржуазной историографии отныне имело своей целью доказать, что к Индии неприменим ни один из законов общественного развития, которые установлены историческим материализмом, что Индия развивалась по своим особым, только ей присущим законам: поэтому и в будущем Индия якобы будет развиваться особым путем, без классовой борьбы, революций и т. д.¹

¹ С. А. Данге так излагает эту «теорию»: «В Индии не было ни первобытного коммунизма, ни коллективной собственности, ни матриархата, ни общин. Индия не знала, говорят эти историки, их крушения и возникновения того, что вы называете частной

Лживая доктрина об особом пути исторического развития Индии является одной из теоретических основ гандизма; поэтому разоблачение этой доктрины совершенно необходимо для успешной борьбы с гандизмом — официальной идеологией Индийского национального конгресса, партии, которая представляет реакционный блок индийской крупной буржуазии, помещиков и феодальных князей. А без окончательного разоблачения гандизма, без освобождения из-под его влияния широких народных масс невозможно сплочение индийского народа вокруг рабочего класса для успешной борьбы против империализма и индийской реакции.

В своей работе С. А. Данге рассматривает эпоху первобытно-общинного строя, его разложения и возникновения частной собственности, классов, рабства и государства в древней Индии. Будучи крупным знатоком санскрита и древнеиндийской литературы, автор широко использует Веды, Махабхарату, Пураны, Шастры и т. д.; в своем исследовании он дает новое толкование ряда важнейших терминов, встречающихся в ведической литературе (брахма, яджна, веда, гана и др.). Он высказывает ряд оригинальных суждений по вопросам происхождения Вед и значения некоторых мифов. Ценной является также оригинальная трактовка основного содержания Бхагавадгиты, одного из самых трудных для понимания памятников древнеиндийской литературы.

Используя данные древнеиндийских религиозных литературных памятников об уровне развития производительных сил, о производственной деятельности древнейших («ведических» и «доведических») индийцев, об их общественной организации, брачных отношениях и т. д., С. А. Данге на основании анализа древнейших ритуальных действий и преданий убедительно доказывает, что у древних индийцев существовал первобытно-общинный строй. Он доказывает, что первобытная община (гана) основывалась на коллективном труде и коллективном потреблении и что в ней отсутствовала частная собственность, а следовательно, и классы; члены этой первобытной общины были связаны кровным родством, причем моногамная семья отсутствовала; все общественные должности были выборными; не существовало в то время и государства с его аппаратом принуждения.

Автор затем показывает, как вследствие развития производительных сил возникает имущественное неравенство и начинает распадаться община, как возникает и общественное неравенство, приводящее в процессе своего развития к принципиальному изменению всей структуры общества, к образованию первых классов — рабов и рабовладельцев, к возникновению государства. Формулируя свои положения, автор при этом обычно приводит высказывания классиков марксизма-ленинизма, убедительно доказывая, что развитие общественных отношений в Индии проходило в соответствии с основными закономерностями, установленными классиками марксизма. Все это позволяет утверждать, что книга С. А. Данге является крупным событием в историографии древней Индии.

Вместе с тем необходимо отметить некоторые недостатки этой в общем весьма ценной работы. Автор явно преувеличивает уровень развития товарности хозяйства, темпы и степень разложения первобытной общины, и степень разделения труда (особенно стр. 133 сл.), тогда как натуральное хозяйство преобладало еще многие сотни лет после описываемых автором событий, а деревенская община оставалась основой общественного строя вплоть до конца XVIII в. Вследствие этого в определении хронологических периодов истории Индии С. А. Данге необоснованно форсирует темпы исторического процесса.

собственностью, государством, классами и классовой борьбой, рабством и феодализмом. Да, мы сейчас имеем капитализм, проклятый дар англичан и их машин, однако наш капитализм имеет специфические индийские достоинства, и потому мы не нуждаемся в классовой борьбе и революции для перехода к социализму. Мы будем иметь совершенно особый, свой собственный гандистский социализм. Мы отвергаем ваш коммунизм и ваш исторический материализм на будущее, подобно тому, как самобытная судьба Индии отвергла все это в прошлом» (стр. 35).

Автор правильно разделяет понятия «варна» и «каста» и утверждает, что каста — общественный институт значительно более позднего происхождения, но он не прав, когда возникновение варн объясняет как результат общественного разделения труда. Деление общества на жрецов (брахманов), воинов (кшатриев), основную массу свободных общинников (вайшьев) и слуг общины, стоявших вне ее (шудр), не могло быть непосредственным результатом разделения труда, так как их разделяют между собой общественные различия, а не различия исполняемых ими производственных функций; иначе пришлось бы признать, что, например, война является производительным занятием. Говоря о действительном разделении труда (отделение земледелия от скотоводства, ремесла от земледелия), С. А. Данге не поясняет, в какой связи все это находится с возникновением варн. Упомянув, что вайшьи состояли из скотоводов, ремесленников и земледельцев (стр. 127), он косвенно признает, что складывание варн происходило независимо от процесса разделения труда.

Гораздо правильнее считать варны результатом развития общественного неравенства в период разложения первобытно-общинного строя и возникновения рабства, когда внутри племен выделяется родовая аристократия (военная и жреческая), когда сильные племена подчиняют себе более слабые; в период существования рабовладельческого государства варны приобретают черты, сближающие их с сословиями.

В согласии с большинством историков С. А. Данге считает варну шудр варной рабов. Мы уже выступали с возражениями против отождествления шудр и рабов в период существования сложившихся рабовладельческих деспотий¹; хотя рабы и шудры могли быть ближе друг к другу в более ранний период, все же рецензируемая работа не убеждает в том, что отождествление шудры и раба правильно и для более раннего периода.

Общему весьма благоприятному впечатлению от книги способствует ее хорошее издание; книге предпослано ценное предисловие, в котором А. М. Дьяков и А. М. Осипов знакомят читателя с автором книги, дают оценку работы и отмечают основные ее недостатки; санскритские отрывки даны в переводе², многие неясные для специалиста термины и собственные имена объяснены переводчиком. При общем высоком качестве перевода вызывает возражение ее заглавие на русском языке. Сам автор назвал ее «India from primitive communism to slavery». Это название очень точно соответствует ее содержанию — изложению истории Индии в период разложения первобытно-общинного строя и возникновения рабовладельческих отношений; об истории рабовладельческого строя в Индии и его разложении говорится только в последней главе, имеющей характер заключения.

Книга Э. Маккея посвящена археологическим раскопкам в северо-западной Индии и их научным результатам. Еще 30 лет назад в науке не подвергалась сомнению та точка зрения, что вплоть до вторжения неизвестно где ранее проживавшего и неизвестно что собой представлявшего народа — «ариев» (обычно указывалось как время «вторжения» II тысячелетие до н. э.) Индия была населена дикими, отсталыми народами. Арии, обладавшие якобы более высокими расовыми качествами, принесли Индии более высокую культуру и обеспечили развитие страны по пути прогресса и цивилизации. Открытие в долине Инда и его притоков в 20-х годах XX в. ряда поселений-городов совершенно опрокинуло эти устоявшиеся представления; обнаружилось, что задолго до этого гипотетического «вторжения» (уже в IV—III тысячелетии до н. э.) в северо-западной Индии существовала высокая культура, во многих отношениях более высокая, чем та, о которой свидетельствуют Веды, и не уступающая одновременной культуре Египта и Двуречья. Значение этих археологических открытий было в полной мере оценено советскими учеными, которые внимательно следили за ходом раскопок.

Рецензируемая книга является попыткой научно обобщить результаты раскопок в долине Инда (в Синде и Пенджабе), производившихся с 1921 г. Наибольшее внима-

¹ См. Г. Ф. Ильин, Шудры и рабы в древнеиндийских сборниках законов, ВДИ, 1950, № 2.

² Перевод санскритских текстов сделан В. П. Кальяновым; это почему-то не отмечено в книге.

ние уделено материалам, полученным в результате раскопок Мохенджо-Даро (Синд), что и понятно, так как работы в этом пункте производились с наибольшим размахом и дали самые ценные результаты. Автором ее является Э. Маккей — известный специалист по археологии Индии: он несколько лет руководил раскопками Мохенджо-Даро и Чанху-Даро.

В первой главе дается краткий очерк археологических изысканий в северо-западной Индии и характеризуются народы, жившие там в период расцвета культуры Хараппы (к которой относится и культура Мохенджо-Даро). В последующих главах автор характеризует архитектуру и строительное искусство, стоявшее на весьма высоком уровне, о чем свидетельствует высокое качество кирпичной кладки, преобладание 2—3-этажных домов из обожженного кирпича, относительно развитая канализация, отличная система водоснабжения и т. д. В книге приведен обильный материал, характеризующий орудия труда, оружие, домашнюю утварь, одежду и украшения древнейших индийцев; на основании многочисленных находок дается представление о быте и повседневной жизни населения этих городов, их религиозных верованиях и т. д. В заключительной части работы автор обосновывает свою датировку времени расцвета культуры Хараппы XXV—XVI вв. до н. э. Здесь же приведены многочисленные данные о постоянных морских и сухопутных связях между долиной Инда и Двуречьем. К книге приложена карта, планы и схемы, большое число таблиц, живо иллюстрирующих материал, излагаемый автором. Имеется также весьма ценная библиография.

При обилии ценного фактического материала, представляющего большой интерес, книге Э. Маккея свойственен недостаток, характерный для буржуазной историографии вообще. Это подход к анализу добытых при раскопках материалов главным образом как к интересным редкостям. Автор неоднократно касается вопросов, связанных с общественной жизнью древнейших обитателей долины Инда, но он не попытался ни решить, ни даже поставить основной вопрос — вопрос об общественных отношениях, господствовавших у этих народов и племен.

Весьма ценным дополнением к книге Э. Маккея следует считать большое предисловие, написанное акад. В. В. Струве, который по-новому подошел к оценке некоторых остатков материальной культуры. Решительно отвергая возможность проведения расовых различий между коренными обитателями долины Инда и «ариями», он уточнил данную Э. Маккеем хронологию для периода расцвета культуры Хараппы, относя ее исчезновение к 1500 г. до н. э. Но самое важное это то, что акад. В. В. Струве, опираясь на основные положения исторического материализма, делает попытку определить в общих чертах социальный, экономический и политический строй жителей этих давно исчезнувших поселений.

Исследование вопроса акад. В. В. Струве начинается с анализа уровня развития производительных сил индийского общества того времени. Автор приходит к выводу (и в этом он согласен с Э. Маккеем), что основную роль уже играли бронзовые орудия и что металлургия достигла довольно высокого уровня; в культуре Хараппы устанавливается наличие развитого скотоводства и земледелия, а также ремесла. Все это давало населению возможность строить относительно благоустроенные города с мощными крепостными сооружениями и создавало предпосылки для все более регулярного обмена. На основании всего этого акад. В. В. Струве приходит к заключению, что состояние производительных сил было выше, чем обычный уровень развития производительных сил при первобытно-общинном строе. «Мы можем с достаточным основанием утверждать,— пишет акад. В. В. Струве,— что общество Хараппы было обществом рабовладельческим, близким к обществу Шумера» (стр. 23).

Это утверждение весьма важно и заслуживает большого внимания. Но пока эта точка зрения может быть принята только в качестве гипотезы, так как, по нашему мнению, накопленных до сего времени фактов все еще слишком мало для того, чтобы с достаточным основанием окончательно решить этот принципиальной важности вопрос. Нельзя безоговорочно соглашаться с некоторыми отдельными положениями акад. В. В. Струве. Сомнительно, например, чтобы в «бронзовом веке» (железные предметы не были обнаружены даже в верхних слоях культуры Хараппы) рабовладельче-

ские отношения могли достичь высокой степени развития; еще более сомнительно, чтобы эти отношения могли уже тогда придти в упадок¹. Нельзя считать вполне доказанным утверждение о том, что одним из основных занятий жителей древних городов, открытых в долине Инда, была торговля (стр. 18); этому противоречит хотя бы то, что древнейшие монеты, найденные в Индии, относятся к периоду, отделенному от культуры Хараппы более чем 1000 лет. Акад. В. В. Струве считает причиной исчезновения культуры Хараппы разрушение городов-государств кочевыми племенами, повидимому, теми же «ариями». Такое заключение не вытекает из материалов археологических раскопок и также может быть принято пока только в качестве гипотезы.

В целом книга Э. Маккея вместе с предисловием акад. В. В. Струве существенно обогащает наши знания о древнейшем периоде в истории Индии и представляет большой интерес для советских читателей.

Г. Ф. Ильин

呂振羽。中國民族簡史 ЛЮЙ ЧЖЭНЬ-ЮЙ, *Краткая история национальностей Китая* (на китайском языке), Пекин, Изд-во Саньляньшудянь, 1951, 218 + 22 стр.

Вопросы этногенеза, развития общности людей от рода к племени, от племени к народности и от народности к нации привлекают все более пристальное внимание советских историков. В последнее время проблемы происхождения наций были подняты и в связи с проблемами древней истории². Книга китайского историка Люй Чжэнь-юя, освещающая эти вопросы на китайском материале, представляет в этом отношении большой интерес.

В рецензируемой книге вкратце излагаются происхождение и история китайского, маньчжурского, монгольского и тибетского народов, хой (китайских мусульман, живущих в провинциях Ганьсу и Нинся), а также небольших народностей, населяющих отдельные районы Китая: тангутов, лоло, мяо и т. д. Книга состоит из девяти глав. Первая глава, в которой автор останавливается на общих методологических и политических проблемах истории национальностей, носит название «Постановка вопроса». 2-я глава озаглавлена «Происхождение китайской национальности» (стр. 6—14); 3—7-я главы соответственно посвящены истории китайской (стр. 15—49), маньчжурской (стр. 50—72), монгольской национальностей (стр. 73—99), хой (стр. 100—127) и тибетцев (стр. 128—141). В 8-й главе изучаются тангутская, лоло, мяо и другие (стр. 142—212) народности, 9-я глава представляет собой «Заключение». В настоящей рецензии речь будет идти лишь о тех частях книги, в которых трактуются вопросы древней истории народов, населяющих Китай.

В главе, посвященной происхождению китайского народа, автор выдвигает тезис о том, что китайский народ в основном произошел от смешения двух рас — монголоидной и малайской. В доказательство принадлежности предков китайцев к монголоидной расе приводятся следующие соображения. Во-первых, лицевые кости пекинского обезьяно-человека (сиантропа) и неолитического человека, кости которого найдены в провинциях Ляонин, Ганьсу и в селе Яншао (Хэнань), обладают теми же особенно-

¹ См. на 21 стр.: «Если в поздних слоях Мохенджо-Даро нет прежней великолепной кирпичной кладки (стр. 41), то это, очевидно, обусловлено тем, что тогда древнее общество долины Инда уже пребывало в состоянии упадка и количество рабов в нем значительно уменьшилось».

² См. статью акад. В. В. Струве, Проблемы происхождения наций и вопросы древней истории, ВДИ, 1951, № 2.